

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. М. Григорьев¹

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 330.16

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10

МИР ПРОЩАЕТСЯ С УТОПИЯМИ — ПОРА ПЕРЕСМАТРИВАТЬ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

«Суха, мой друг, теория везде, А древо жизни пышно зеленеет»

Мефистофель (Иоганна Вольфганга Гете)

Сложившийся к началу XX в. массив социально-экономических теорий лег в неявном виде в основание Целей устойчивого развития ООН 2015 г. Фактическое мировое развитие пошло своим путем. Не были успешными попытки коллективными усилиями экономической политики вывести его на благоприятную всем траекторию. Кризис глобального управления и развитие геополитических конфликтов довели разочарование. Пора признать идею ЦУР как утопию, хотя весьма позитивную по намерениям. Реальное состояние и характер развития мира переживают различные кризисы, но пессимизм не должен вести нас к распространению чувства безнадежности. Человечество, надо полагать, не достигнет в нынешнем веке ни равенства межстранового и социального, ни климата планеты в пределах +1,5°C, ни благосостояния для всех и каждого из десяти миллиардов своих ожидаемых обитателей. Ни одна из радикальных целей, претендующих на главенство общественных теорий, не будет достигнута. И мечту об утопии также пора квалифицировать как утопию. Разумно признать то обстоятельство, что мы не вполне понимаем социально-экономические законы мира. Для создания в будущем реалистической программы мирового развития разумно начать программу, которую мы называем «критическим анализом теоретических основ Целей устойчивого развития». Без координации действий стран в согласованной логистике трудно рассчитывать на успех, как это показала декада развала глобального управления. И нужна проработка прикладных теорий экономики, ориентированных на координированное глобальное выживание.

Ключевые слова: утопии, мировое развитие, цели устойчивого развития, неравенство, теории роста.

¹ Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

© Григорьев Леонид Маркович, 2025

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2025). Мир прощается с утопиями — пора переосматривать теории развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 176–205. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10>.

L. M. Grigoryev

HSE University (Moscow, Russia)

JEL: A14, B25, D63, F02, F63, O16

THE WORLD BIDS FAREWELL TO UTOPIAS: TIME TO RECONSIDER DEVELOPMENT THEORIES

By the end of XX century the constructed complex of economic theories was used as an implicit background under the Sustainable Development Goals of the UN 2015. In fact, the actual path of global development has moved along its own path. Collective efforts of economic policies to pull this path onto an attractive trajectory of well-being and sustainability were not very successful. Global governance crisis and evolving geopolitical conflicts had completed disillusionment. It is time to recognize the SDG idea as a quite positive by intentions but utopia. Actual condition and character of development have been undergoing different crises but pessimism should not drive us to a widespread hopelessness. Mankind — it appears — will not reach in this century either interstate or social equality, or stable climate with +1,5°C, or wellbeing for expected ten billion inhabitants of our planet. None of radical objectives of any social theories — pretending to dominate our thinking — will be achieved. And the very dream of utopia should be considered as a utopia. It is reasonable to recognize the fact that we do not fully realize global socio-economic forces. To create future realistic program of a global development it would be reasonable to initiate the program which we call “Critical analysis of the theoretical background of SDG”. As the decade of global governance destruction has demonstrated, no success can be expected without coordination of countries in the accepted logistic. The findings demonstrate the need for elaborating applied economic theories oriented towards a coordinated global survival.

Keywords: utopias, global development, sustainable development goals, inequality, growth theories.

To cite this document: Grigoryev, L. M. (2025). The world bids farewell to Utopias: time to reconsider development theories. *Lomonosov Economics Journal*, 60(4), 176–205. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10>

Введение

Турбулентность — этим понятием мы классифицировали недавний период в жизни мировой экономики как до, так и во время пандемии COVID-19 и впоследствии во время связанного с ней кризиса (Григорьев, Паршина, 2022). Мы отмечали кризис «глобального управления», который отличается от «кризиса глобализации», активно обсуждавшегося.

Характер мировой дискуссии обычно смешивал и смешивает трудности в международной торговле, последствия пандемии, необычный характер антикризисных мер (особенно в США) и их последствия с нарушением взаимодействия по политическим установкам в действиях многих стран. В ходе событий 2008–2024 гг. мы имеем дело с экономическими кризисами, широкими колебаниями энергетических цен, снижением темпов роста Китая, все более заметным отставанием Евросоюза. Парижские соглашения по климату и Цели устойчивого развития ООН, одобренные в 2015 г., стали вершиной и завершением периода поиска единого движения к решению планетарных проблем. На короткий период мировому сообществу показалось, что у мира есть шанс на координацию и переход от разрозненных соглашений и деклараций к коллективным действиям, и были составлены Цели устойчивого развития ООН на базе набора более или менее понятных теорем социально-экономического развития, «принятых за основу». Был достигнут трудный компромисс по набору целей, формулировкам и индикаторам так, будто меры экономической политики должны были применяться в различных сферах, разными странами самостоятельно, но приводить к искомому позитивному результату. Хотя этот набор целей и сопутствующих идей далеко не идеален, но, по крайней мере, он не являлся догматической теорией с жесткой политической или религиозной основой. Недостаточно впечатляющие результаты реализации Повестки 2030 г., конечно, огорчают, но шансов у ЦУР так, как они сформулированы, было немного.

Мир негласно расстается с утопиями

К 2025 г. человечество достаточно далеко зашло в тупик, чтобы осознать: единственная общая разумная цель его может объединять — это понять свое развитие и понять, как действовать, чтобы выжить на планете. Речь идет не о только климате, хотя частота засух и торнадо растет. Это сложная задача, когда нас на планете быстро становится 10 млрд человек, весьма неравномерно разместившихся на каменистом объекте ограниченного размера в совершенно безвоздушном, холодном и темном Космосе. Выживать на этом объекте приходится при разрывах в благосостоянии в десятки раз («равенство» осталось лишь мечтой), множестве языков, неравномерном распределении воды и ресурсов (и собственно климатических условий). Различия культурных кодов только начали осознать как критический важный фактор (ограничивающий «братство»). Теперь пора подумать о более сложном определении под углом культурных кодов с историей, религией — примерно так, как это вышло у ряда народов, которые восстанавливали свою жизнь после вековых проблем.

Приходится констатировать, что идеологии вернулись для доминирования в политике после того, как удалось уйти от догматического марк-

сизма. Прекрасная идея добровольного координированного глобального развития в виде ЦУР ООН 2015 г. своими лозунгами объединила значительную часть элит и образованных людей мира. Его приняли правительства большинства стран мира, сделав его международной программой. Но и эта программа при внимательном прочтении и анализе практики потеряла бедных в пользу климата и заботу о равенстве — цель 10 сформулирована весьма неконкретно и ни к чему не обязывает (Григорьев, Меджидова, 2020). Все страны должны были сами выработать свои формулировки конкретных целей, наборы шагов, сроки реализации и двигаться вперед. Это была разумная идея по двум причинам: создавался прецедент координации, уважался суверенитет стран. Но программа претендовала на глубокое единое понимание устройства мира и его экономических и социальных механизмов, чего на самом деле не было, и просто поручала политическим элитам сделать то, «что они выбрали в данный момент».

Свобода выбора конфигурации страновой политики ЦУР казалась естественным форматом реализации проекта. Однако все участники находятся на разных стадиях развития и координировать надо совершенно различные конкретные цели в разные сроки стран с разными ресурсами и политической системой и ситуацией. Политика развития ограничена элитами через политическую корректность победителей последних выборов, причем с разной степенью жесткости в сегментах климата, социального неравенства, других спорных вопросах внутренней политики, включая и взгляды на человеческую эволюцию (гендерный прогресс) в ряде групп стран. Необходимость выигрывать выборы каждые несколько лет при расколотых электоратах создает неопределенность для инвестиционных процессов, которые рассчитаны по своей природе на десятилетия. При определенных успехах в реализации ЦУР достижения в общем ограничены едва ли не по всем пунктам, что выявилось при разработке доклада ООН 2023 г. (Глобальный доклад..., 2023). Мы не сможем пройти с критическим аудитом все 17 целей этого большого проекта, но нам будет достаточно проблемы климата (энергетики) и неравенства (межстранового и социального), чтобы определить степень успеха и проблем проекта.

Отчет ПРООН (UNEP, 2024) показывает, что наиболее явная и критически важная задача ограничения потепления климата в текущем веке не будет достигнута. Глубокий анализ причин и состояния дел уже имеется (Макаров, Шуранова, 2023). Трудности реализации проекта привели уже к фактической коррекции (или признанию нереальности) климатической и некоторых других программ. Правда, в этом большую роль сыграли даже не осознание нехватки ресурсов (особенно в развивающихся странах), невыполнимости задач в желательные сроки, а стагнация экономики в Евросоюзе и реванш Президента Дональда Трампа в США. Другие цели мы рассмотрим ниже, но важно осознать, что проект в его задуманных параметрах невыполним. Механизмы — блоки теорем работали иначе,

чем предполагалось, совместимость активной экономической политики не была обеспечена, политики разных блоков не были координированы, ресурсов было заведомо недостаточно.

Так что ЦУР может рассматриваться как утопия, которая не удалась («Цели Тысячелетия» были менее амбициозными), причем первая по социально-экономическим глобальным вопросам. Можно вспомнить и другие — менее практические. Рыцарский круг Короля Артура даже при содействии Волшебника Мерлина был «Рыцарской утопией», навеянной крестовыми походами в их идеальном (не практическом) воплощении. Это была попытка дюжины рыцарского, бескорыстно-аристократического спецназа решить проблемы справедливости в мире феодалов, пастушек, драконов и отрицательных баронов. Изобретенный Кретьеном де Труа («Эрек и Энида») рыцарский роман продержался века, хотя каждый отдельный роман обычно остается интересным на длину одной жизни Артура даже и с Мерлином. А сейчас, похоже, и того меньше. Это при том, что проблемы наслаиваются и навинчиваются друг на друга. Есть ощущение, что «мене — теке — фарес» (writing on the wall) мелькает 25-м кадром, но человечество не замечает, поскольку либо заседает, либо враждует! Так что наше поколение не первое подпало под обаяние утопии, но попытка всем вместе навести порядок в социально-экономических процессах — это крайне важная задача. Правда, теперь становится ясно, что дело не в единых привлекательных и важных лозунгах, а в глубоком понимании социально-экономических механизмов и в глобальной координации реалистической политики.

В «Махабхарате», если мы правильно понимаем идеи великой эпопеи, шла битва за исправление общей мировой кармы. Чтобы все это могло произойти, в дело вынужден был все время вмешиваться Васадева Кришну — бог и человек в одном лице. Дело шло туго, так что индивидуальные дхармы многих участников пострадали. Участвовал в битве весь известный тогда мир, но радикально исправить мир не удалось или удалось ненадолго. А сама идея исправления кармы мира представляется разумной, хотя хотелось бы без войны обойтись. В последующем идея установления глобального порядка (иногда исправления) появлялась либо как религиозная, либо как имперская, но так и не реализовалась без насилия и надолго.

Империи древних пытались насильственно насадить координацию на какой-то период времени. Греческие боги играли роль могучей олигархической касты с большими магическими мощностями. Порядок, ими установленный, был тверд и ясен — Зевсу можно все, остальным меньше на «линию» вплоть до человека. Ветхий Завет не слишком понятен людям вне веры двух религий, но главное — нельзя сомневаться и надо все выполнять. Римляне, похоже, поверили больше в Империю, хотя клялись Юпитером. А остальное у них было «платной» демократией, потом Империей для поддержания номенклатуры и расширения.

Рим продержался лет 500—600, но цена была высокой — разгром Этрусков, Карфагена, Коринфа, других центров цивилизации. Со временем перерастание размеров, освобождения граждан от налогов, дурное обращение с колониями — имперскими налогоплательщиками — и их довело до краха. Все же Риму, безусловно, спасибо за римское право, за дороги, распространение технологий и за сохранение копий разбитого ими греческого искусства (Григорьев, 2024).

Христианство пришло как огромный шаг вперед в гуманизме, особенно народами, осознанно принявшими веру. От христианства можно было бы ожидать мира и человеколюбия, объединения. Однако христиане распались на церкви, воевали не меньше (или больше) других религий за принципы, так и за территории и славу. И началась попытка создать идеальный — и одинаковый — мир на пространстве Европы плюс из того, «что удалось захватить» из территорий Римской империи. Раскололись несколько раз, достали друг друга, но мечами и пушками, кострами и инквизицией попытались добиться единообразия в символах веры, ритуалах, нормах. Плюс колонизация нескольких континентов — их рук дело, последствия которого еще будут действовать очень долго.

Так человечество и живет, время от времени хватаясь за меч, пытаюсь объединить через силу, чтобы воспрепятствовать инакомыслию, обеспечить некий идеальный мир. Тут появляются утопии, секты с идеальным порядком, мифы об идеальных государствах и общественных системах. Правда, после некоторого периода наслаждения миром, равенством, даже братством и в редких случаях свободой христиане все равно берутся за меч, чтобы обеспечить свою версию комбинации этих бесспорных достоинств. Марксизм предлагал единую концепцию, но реализовать ее не удалось. Пришел было либерализм, но и этот не удержался — объявил, что точно знает, как именно надо жить всем! А кто не хочет — тот реакционер... Он недавно почти победил «историю» на большом пространстве, но опять поднялись традиционалисты, консерваторы, диссиденты и просто бесчисленные любители жить по-своему.

Мультиполярность мира — это вопрос политики, отношений элит между собой, союзов и объединений, комплементарности ресурсов. А разнообразие мира — это больше вопрос культурных кодов, их разнообразия, нежели размеров масс и ресурсов. Если политическая мультиполярность — некое динамическое мировое равновесие (избегание гегемонии) с целью избегания войн и снижения накала прочих конфликтов, то разнообразию культурных кодов трудно помешать плодиться и размножаться. Естественно возникает вопрос о роли «взросления» общества (по стадиям), уровня развития (хоть ВВП), эволюции культурных кодов больших групп. Там еще спрятана матрешечная структура меньшинств, регионов и сложившихся групп. Особенно важны культурные коды высокоразвитых стран, которые несут просвещение, развитие и культурные коды всем, кого они считают

обделенными. Конфликты вокруг борьбы традиций с пересаживанием кодов в массовом порядке — это вопрос насилия против ассимиляции меньших групп, оказавшихся промыслом истории в зависимости! И тут возникает проблема «срока давности» — до какой глубины в истории страны и народа — тот или иной код — это принятый прогресс, а до какой — культурный код (Григорьев, Майхрович, 2023).

Но этого мало: нации, языки, религии, — еще и социальное неравенство живет, динамично развивается, пересекается с другими группами. И всем группам, слоям, стратам обещана справедливость, но иерархии различны. Изначально у французов в XVIII в., когда король с аристократией их довели до Великой революции, свобода, равенство, братство продержалось несколько лет, а потом посредством гильотины скатилось в империю и масштабную экспансию. Правда, Кодекс Наполеона — очень полезная вещь, как когда-то Кодекс Юстиниана.

В результате свободу все воспринимают по-своему, братство (скорее дружба или дружба по оружию) иногда возникает как бесценный редкий культурный код. А вот с идеей равенства, похоже, приходится расставаться как с реалистичной целью — какая хорошая была мечта! Планы выравнивания уровней развития стран, социальных слоев не реализуются практически нигде. Но ни из одного документа в мире цель выравнивания не убрана. И наконец, заметим, что очень редко при обещании выравнивания дают горизонт достижения этой славной цели. Наше поколение уже точно не будет жить при коммунизме. Пожалуй, стоит спокойно признать, что разнообразие мира скорее увеличивается, все больше групп, осознающих свою уникальность и предъявляющих права на своеобычность, самоуправление, защиту своих культурных кодов, как древних, так и недавно сочиненных. В ближайшие полвека никому не удастся достичь или навязать единообразие культурных кодов, уровней жизни, религии и даже налогообложения. Будущее мира зависит от взаимной терпимости, компромиссов, обеспечения прогресса различным группам стран и народов — хоть понемногу, но надежда нужна всем.

Внутри общего процесса поиска или мечтаний о гармоничном обществе будущего (звучит уже достаточно утопично) есть несколько теорем нобелевских лауреатов, которые лежат в основе ЦУР, но как бы по умолчанию. Это теорема Роберта Солоу (Solow, 1956) о конвергенции уровней развития стран в процессе экономического роста. Весьма популярна работа Саймона Кузнеца (Kuznets, 1955) — он предположил «зонтное движение» социального неравенства: увеличение, перегиб и снижение. Восхищаясь обоими Нобелями, надо признать, что практически реализации этих теорем нет — есть некоторые расчеты и результаты, которые обсуждаются исследователями (Майхрович, 2025). Новый рост социального неравенства в развитых странах идет примерно с 1980-х гг. — спасибо Томасу Пикетти (Piketti, 2014), но оно не убирает обеих теорем из учебников. И тут же есть

актуальная пара проблем: как рост не порождает демократию и как демократия не порождает рост, а также какую роль играет в этой истории популизм. Так что остается гордиться снижением абсолютной бедности в мире, хотя случилось оно благодаря усилиям в Китае и в Индии в основном.

Д. Трамп и его действия не открыли новых противоречий или слабостей глобализма и идеологии прогресса. Но он вывел критику ситуации, которая шла от левого крыла (бедность и неравенство), традиционного крыла (ценности), к самоанализу в центре в связи с явным концом этой повестки дня на 2025 г. в США. Признать необходимость пересмотра подходов согласны, похоже, все. Вопрос в том, как далеко простирается это осознание. Готовы ли многие лидеры от политики, академии и общественного мнения только «подкрутить» соглашения, приспособиться к Д. Трампу и держаться за парадигму прогресса в сложившемся отвердевшем варианте? Заметим, что в практическом плане фрагментация взглядов, национальных интересов и оценки будущего практически достигла стадии распада прежнего. Действия крупных игроков (США — Трамп-2025) уже разваливают даже те локальные равновесные системы и ситуации, которые еще не были явно под ударом вчера (в 2024 г.). Похоже, это еще несколько щелчков по домино в разных частях большого многомерного пространства, заставленного бесконечными узорами из домино.

Трудно даже ставить вопрос о корректировке «парадигмы развития», чтобы она учитывала многообразные интересы акторов, отсутствие идеологического единства мира, социальную необходимость компромиссов и коллективных действий, несовершенство экономических механизмов, как принято их понимать, и, конечно, иные временные горизонты решения глобальных проблем. Напомним, что с ростом благосостояния социальные акторы сближаются по характеру потребления товаров и услуг, но все больше углубляются в свои культурные коды (додумывают, если не хватает). Мировое разнообразие народов и языков не исчезает, так что рассчитывать в нашем веке на унификацию не нужно — скорее надо уважать различия и дать всем уверенность в таком уважении. К этому драматическому компендиуму приходится добавить необходимость критического анализа теоретических основ целей устойчивого развития, понимаемого как комплекс теорем по функционированию экономических механизмов, на которые предполагалось воздействовать мерами экономической политики. Набор простых целей, разнесенных на группы, программы 2015 г. не справился со сложностью решения общей задачи — нужно осмыслить внутренние слабости концепции и попытаться предъявить более или менее работоспособный набор механизмов развития и выживания планеты и мирового сообщества. Но на него еще должны согласиться элиты, и акцептовать все те массы людей с разными интересами и разным распределением во времени (и интенсивности) предполагаемых выигрышей (уступок или компромиссов).

Глобальные реалии

Идеи ЦУР ООН 2015 г. были десять лет удобны тем, что про них все знали, правительства множества стран их подписали, по ним разработаны цели и планы компаний. Страновые цели оказались не слишком координированы, механизмы достижения намеченных индикаторов могут быть не стыкованы изначально и расходиться за счет неравномерности развития (Бобылев, Григорьев, 2021). Мы много писали о том, как и насколько расходится процесс реализации «Повестки-2030» и реалии с целями. Поэтому пройдем несколько принципиальных положений ситуации в мире. Мы с профессором С. Н. Бобылевым предлагали в своей работе 2021 г. установить оценки, измерители и умеренные цели в рамках ЦУР-10 и создать реалистичную картину мира. Дело в том, что цель 10 — снижение неравенства, хотя сформулирована весьма обще, может служить критически важным измерителем успехов развития и перспектив мирового сообщества, поскольку представляет собой комбинацию демографической динамики, социальной неоднородности и общих темпов роста. Фактор времени еще более важен для «срока давности» изменения названий, границ, претензий... культурных кодов, захватов территорий. Никакие расчеты не обнадеживают в отношении сближения стран мира в ближайшие два поколения, но надо иметь ясную текущую картину.

Таблица 1 дает обновленную картину диспаритетов по уровню ВВП на душу населения среди 157 государств мира за 1992–2023 гг. (Григорьев, Паршина, 2013). Все основания, литература и разъяснения для данной таблицы даны в учебном пособии 2022 г. (Григорьев, Павлюшина, 2022). В кластерах страны размещены по ВВП по ППС 2021 г. на душу населения: рамки приведены в Приложении 1, они сдвигались с 1992 до 2023 г. с темпом роста ВВП на душу мира (но без учета Китая).

Для целей нашего изложения важно, что за 70 лет с работы Р. Солоу конвергенция не состоялась, хотя поиски ее следов с помощью эконометрики не прекращаются. У стран с ВВП по ППС ниже 5 тыс. долл. шансы быстро преодолеть разрывы не слишком велики (Григорьев, Майхрович, 2023). Поиски конвергенции по Р. Солоу были продолжены таким видным экономистом как Р. Барро, однако наличие в уравнениях «правильных коэффициентов» указывает только на некий эффект. Добросовестная проверка проблемы проведен М. Я. Майхрович, но эффект очень слабый (Майхрович, 2025). По табл. 1 можно констатировать, что мир в целом развивается, есть шанс на будущее уйти от абсолютной бедности, но не решить вопрос об огромных разрывах в развитии.

Таблица 1

**Динамика душевого ВВП (ППС 2021) по кластерам (157 стран),
1992–2023 гг.**

	1992			2000			2008			2010		
Номер кластера	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС
1	33	0.85	44.6	36	0.91	50.9	41	1.16	55.5	40	1.18	54.8
2	14	0.34	19.6	17	0.43	20.4	19	0.38	23.7	21	0.40	23.9
3	22	0.52	12.3	21	0.48	12.9	17	0.50	15.7	17	0.59	15.7
4	28	0.43	7.6	27	0.55	8.0	29	1.96	9.7	30	2.00	9.8
5	31	0.58	3.6	31	3.12	3.8	24	2.06	4.5	24	2.06	4.4
6	21	2.35	1.8	13	0.14	2.0	19	0.23	2.3	17	0.21	2.3
7	8	0.16	1.0	12	0.25	1.1	8	0.22	1.2	8	0.23	1.3
Всего	157			157			157			157		
	2019			2020			2022			2023		
Номер кластера	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС	Число стран	Население, млрд чел.	Среднее на душу, тыс. долл. ППС
1	36	1.03	63.4	40	1.30	57.3	41	1.30	61.6	41	1.31	62.7
2	19	0.41	33.2	18	0.25	26.6	19	0.26	29.2	20	0.26	29.7
3	16	0.52	20.5	25	2.18	16.8	24	2.19	18.0	23	2.20	18.3
4	32	2.27	13.8	27	2.38	10.3	26	2.42	10.9	25	2.40	11.3
5	24	2.48	6.6	25	0.88	5.0	25	0.89	5.1	26	0.94	5.3
6	20	0.32	3.2	14	0.27	2.6	13	0.29	2.7	13	0.30	2.8
7	10	0.36	1.7	8	0.22	1.4	9	0.25	1.5	9	0.26	1.5
Всего	157			157			157			157		

Источник: составлено по (Всемирный банк, 2024).

В 1990-х гг. распад социалистического лагеря, СЭВ, СССР и Югославии вызвал огромный региональный кризис, намного сильнее угрозы торговой войны 2025 г. Этот кризис имел, разумеется, трансформационную составляющую, так что 2000—2023 гг. вполне могут рассматриваться как адекватный полигон для проверки идеи и прикладных результатов. Разумеется, за послевоенный период развитые страны шагнули вперед в технологическом развитии, благосостоянии; продвинутые развивающиеся страны, особенно Китай, Республика Корея решили проблему абсолютной бедности, которая вообще заметно снизилась. Однако успехи человечества надо оценивать и от теории, и от современных проблем и задач.

В терминах ЦУР 10 задачу конвергенции и ослабления межстранового неравенства в конкретных параметрах не удалось даже поставить. Показатели средних уровней ВВП на душу населения (шагом сверху вниз) от кластера к кластеру повышаются, близким к удвоению. Даже абсолютная разность между уровнями 1-го и 2-го кластеров не сокращается (более 33 тыс. в среднем). При этом 1-й кластер за эти годы пополнили нефтяные экспортеры, и размер отрыва от 2-го кластера остается на протяжении текущего века равен среднему уровню ВВП на душу 2-го кластера. Перескочить «через пропасть» между кластерами сумели несколько стран своими уникальными путями. Доклад МБРР 2024 г. (несколько поздновато) посвящен поиску теорий преодоления «ловушки среднего уровня развития» в мировом развитии (World Development Report, 2024), но неясно, как большая часть человечества станет расти быстрее и, особенно, выравниваться в развитии. Так что пока табл. 1 может рассматриваться как достаточно устойчивая страновая структура мировой экономики. Внутри 1-го кластера разыгрывается «межатлантическая конкуренция» (Григорьев, Ляхова, 2025). Страны БРИКС (если взять даже пять первых участников) растянуты по таблице от Индии в 4-м кластере, Бразилии и ЮАР в 3-м и Китае во 2-м, а РФ — в 1-м кластерах, решая довольно сходные задачи догоняющего развития, но с весьма разным социально-экономическим уровнем. Для стран БРИКС, с их различиями, контрастами благосостояния впереди трудные задачи развития. Как отмечают Отавиано Кануто и Бруно Сарайва, что стало бы перспективным для этой группы: «Обещающим путем были бы защита и укрепление мультиполярности при поддержке кооперации по проблемам и такими путями, которые не усиливают поляризацию или глобальный конфликт» (Canuto, Saraiva, 2025, р. 7). Рассчитывать на вложения финансовых ресурсов развитых стран в развивающийся мир не приходится. БРИКС должен будет развиваться на свои средства и стремиться развивать свои технологии в эпоху протекционизма и санкций.

Практически табл. 1 охватывает весь развитой мир, но не только его, не забудем, что существует еще порядка 60—70 стран, сюда не вошедших. Всемирный банк в 2024 г. выпустил доклад “The Great Reversal”, кото-

рый показал, что в 2020-х гг. наименее развитые страны стали отставать от более развитых. Более того, МВФ в своем обзоре в апреле 2024 г. показал, что рост ВВП этой группы стран в 2020-х гг. шел за счет увеличения приложения труда и капитала, но общая факторная производительность не увеличивалась. Внизу мировой лестницы душевого ВВП картина не веселая. Принципиально важно отметить, что позади десятилетия бюджетных дефицитов в развитых странах, помощи развитию, затрат на преодоление финансового кризиса 2008–2010 гг., колебаний цен на энергию. Мир подошел к такому уровню задолженности государств, бизнеса и населения, что нереально рассчитывать на долговое финансирование решений крупных мировых проблем (Global Debt Report, 2025). Передача официальных ресурсов на развитие идет трудно, хотя работают каналы поддержки для наименее развитых стран. Некоторый успех по снижению абсолютной бедности в мире сопровождается заметным ростом относительного неравенства между странами и внутри стран. Представители науки, в частности экономисты и социологи, предложили бы (такое было раньше), естественно, сократить растущие военные расходы и направить ресурсы на решение глобальных проблем. Но эта естественная идея вряд ли встретит немедленный положительный отклик политиков в эпоху ослабления геополитических проблем.

В середине таблицы крупные страны БРИКС делают максимум возможного по догоняющему развитию, хотя результаты далеко не одинаковые. Население Индии продолжает расти и подушевые показатели страны (9 тыс. долл. ППС — 4-й кластер) увеличиваются. Россия после тяжелейшего кризиса переходного периода вышла в 1-й кластер (40 тыс. долл. ППС). Это является отличным результатом, особенно с учетом упущенных возможностей реинвестирования нефтяной ренты в свою экономику вместо вывоза ее как частного капитала. Бразилия сделала замечательный шаг вперед в начале 2000-х гг. при первом сроке Президента Лулы да Силвы (сейчас 15 тыс. долл. ППС). Далее рост шел с определенными препятствиями, но потенциальные возможности страны огромны.

Китай смог пройти путь от уровня в 1,7 тыс. долл. ВВП ППС на душу населения (при доле абсолютной бедности в 95%) в 1992 г. до выдающегося результата в 22 тыс. долл. на душу по ППС в 2023 г. Этот результат был достигнут с помощью удивительной комбинации трудолюбия народа, использования либерализации хозяйственной деятельности внутри страны и в мире, но и при огромной роли планирующих органов, что мы показали в своей работе (Григорьев, Жаронкина, 2024). Китайское руководство смогло найти динамическое решение для совместных экономических и социальных преобразований. Рывок был сделан практически за одно поколение в 33 года, не допустив разрыва между ростом уровня благосостояния и образования. И все эти годы поддерживался невероятно высокий уровень нормы накопления в ВВП — примерно в 40% ВВП. Это означало

в частности, что рост личного потребления шел с лагом от формирования инфраструктуры и мощностей промышленности. Повторение такого пути на протяжении трети века в другой стране выглядит очень сложным.

Проблема «ловушки среднего уровня развития» еще требует своего аккуратного решения. Новый доклад Всемирного банка по этому вопросу в 2024 г. показал некоторые параметры проблемы. Но мы здесь хотели подчеркнуть, что для стран перейти в более высокие кластеры табл. 1 получается с трудом. Заметим также различия в определениях «середины» у нас и у Всемирного банка. Мы могли согласиться, что речь идет о 4-м кластере, верхней части 5-го кластера, нижней части 3-го кластера — округленно в пределах 10–20 тыс. долл. на душу. Всемирный банк относит 108 стран к категории «*со средним уровнем дохода*», т.е. ВНД на душу населения страны составляет от 1146 до 14 005 долл. (World Development Report, 2024, табл. P1.1, p. 31). Это огромное различие в самом понимании «среднего уровня» развития. Среднеразвитые страны с уровнем дохода в 9–14 тыс. долл. в этом подходе — это страны Центральной и Восточной Европы, ведущие страны Латинской Америки, которые в табл. 1 занимают вполне достойное место во 2–3-м кластерах.

Наверху мировой иерархии развития находятся в основном страны Европы и Северной Америки, которые оторвались в развитии от остального мира еще до Первой мировой войны. Они не однородны и имеют высокое социальное неравенство. Выше уровня в 37 тыс. долл. ВВП ППС на душу населения (табл. 1 — порог входа в 1-й кластер) живет на 2023 г. 41 страна с населением 1,3 млрд человек, внутри которых еще вполне много бедных. В общем задача человечества на ближайшие десятилетия довольно проста — вывести большинство населения выше уровня хотя бы входного порога в 4-й кластер в 7,4 тыс. долл. (треть от пропускной нормы во 2-м кластере). Это амбициозная задача, хотя далеко отстает от фактического успеха Китая. Сейчас руководство Китая поставило задачу выхода примерно на 35 тыс. долл. на душу к 2035 г., что уже совсем близко к 1-му кластеру развитых стран. Так что масштабы относительного неравенства, вероятно, сохранятся на ближайшие полвека, а проще сказать, до конца XXI в. — горизонта, который появился в связи с расчетами потепления климата.

К сожалению, даже среди высокоразвитых стран счастливого «постиндустриального общества» без серьезных социальных проблем и политических разногласий практически не наблюдается. Наверное, можно выбрать дюжину сравнительно развитых стран, обычно небольших и с этнически однородным населением (что снижает трения и расходы), которые продолжают развитие без значительных социально-экономических проблем и социально-политических кризисов. Но выйти на такой уровень стабильности экономики, социальной сферы и политической системы и практики сложно. Мы наблюдаем в развитых странах не социально-политический

«штиль», а обострение различий культурных кодов, сложности положения меньшинств и миграции, усиление осознания социальной несправедливости и фрагментации общества в развитых странах, включая США и Евросоюз. Это явно снижает ожидания и надежды следующих когорт стран, догоняющих по уровню на достижение такого этапа, в котором нет острых проблем общественной жизни. На наших глазах исчезают утопии или их приход откладывается на пару поколений.

В развитых странах (1-й кластер) — в США и ЕС — также нет «постиндустриального покоя». Политические системы фрагментируются со смещением в края спектра и вымыванием центристских сил и партий. Партийные комбинации, которые реконфигурировались, но оставались привычными и понятными, стали разрушаться еще до кризисов COVID-19 и геополитики. Раскол идет по линиям, которые отражают гибридные программы в социальной сфере, роли и положению меньшинств и мигрантов, культурных кодов в сфере гендерной политики, условно различаемых как консервативные и «прогрессивные». За этими различиями стоят социальное неравенство по доходам и ограниченные возможности перераспределения налоговых ресурсов для выравнивания потребления.

Постиндустриальное развитие стало объектом озабоченности в США и ЕС в связи с потерями промышленной базы, занятости и некоторых слоев среднего класса. Применительно к Евросоюзу вместо постиндустриальной интеграции обнаружилось неравномерное развитие внутри блока (отставание группы средиземноморских стран от Германии). Торможение роста ЕС принципиально связано с несовершенством институционального пространства Союза по сравнению с США и Китаем. Успех интеграции «старого союза», расширение разнообразия внутри блока принесли пользу новым восточным членам, создали вполне нормальную систему, но уступающую — в плутарховском анализе — внутренним условиям ведения бизнеса в США (Григорьев, Ляхова, 2025). Раскол и шатания электората, жесткая ограниченность ресурсов затрудняют принятие решений по долгосрочным проблемам стран и всего мира. Вывод напрашивается простой — конкуренция между идеологиями, применение административных средств подавления инакомыслящих, медленный рост: динамика роста и неравенства по кластерам в табл. 1 — это новая нормаль для мира. Мы используем ЦУР-10 по неравенству как микроскоп для анализа более широких проблем развития, поскольку тут учтены и демографический рост, и внутреннее социальное неравенство, но не полагаемся на эту теорему сближения при прогнозировании и в ЦУР ООН.

Применительно к развитым странам известная и частично описанная выше ситуация социально-идеологических конфликтов при огромной неравномерности межстранового и социального неравенства толкает нас на предложение объявить ее «ловушкой богатства». Есть ловушки бедности,

среднего уровня, незавершенной интеграции, тогда вполне возможно достроить пирамиду ловушек еще и на богатстве. Но более аккуратное развитие этой идеи мы отложим на следующую работу.

Мы не можем в короткой работе дать развернутый аудит состояния экономики и теории (Григорьев, 2024) — мы очень сжато сделали это в выступлении на Ломоносовских чтениях на Экономическом факультете МГУ 11 апреля под названием: «Глобальные ловушки: почему Ахиллес никогда не догонит черепаху». Но мы полагаем, что идея ловушек на пути развития в самых разных областях является разумным подходом, который снимает необоснованные ожидания, что те или иные вполне разумные шаги по решению социально-экономических проблем стран и всего мира выводят мир, общество, элиты в состояние «равновесия» или «бесконфликтного развития». Неравномерность межстранового развития, замедление роста в целом, ограниченность ресурсов для решения глобальных проблем играют определяющую роль комплексных тяжелых ограничений.

В развитых странах проблема неравенства — это еще и конкуренция между «своими и чужими» бедными. Задачи борьбы с абсолютной бедностью, сохранения климата планеты требуют как текущей поддержки потребления для бедствующих групп, так и инвестиций в формирование инфраструктуры. Мы в течение длительного времени показывали, что доля 10-го дециля как наиболее адекватная мера неравенства по доходам может служить (до и после налогов) показателем состояния социального неравенства. На этот счет есть глава 14 в нашем учебнике 2022 г. (Григорьев, Павлюшина, 2022). В недавней работе мы показали устойчивость социального неравенства в Евросоюзе, до и после уплаты налогов (Григорьев, Васильева, 2025). Практически мы можем вычислить по странам в табл. 1 те состоятельные 20%-е группы высокоразвитых и среднеразвитых стран, у которых определенные квинтили (в основном 4-е и 5-е наиболее развитых стран) имеют доход выше определенного уровня (примерно соответствует порогу в 37 тыс. долл ВВП по ППС), образуя некий обширный слой благополучных жителей планеты по личному потреблению. Но на другом конце гауссовского распределения мирового населения находится огромный слой очень бедных на планете (порядка 700 млн человек, живущих на уровне ниже 2,15 долл. в день).

Период 2020–2024 гг. показал, что элиты больше беспокоятся о безопасности (в самых разных смыслах), чем о долгосрочных решениях. Разумеется, были предприняты существенные усилия по проведению реформ для ускорения энергоперехода. Этому посвящена огромная литература, но вкладывать в развивающиеся страны надо гигантские суммы. И мы понимаем, что к 2100 г. потепление, видимо, составит порядка 2,5°C, так что мир должен одновременно с усилиями по митигации переходить к дорогостоящей и непривлекательной для частного сектора адаптации.

Здесь различия между странами по уровню благосостояния будут играть огромную роль. Разные скорости демографических изменений по странам будут связаны как с естественными процессами. Впереди неравенство доходов уже среди 10 млрд жителей Земли, плюс технологическая революция с участием ИИ также входит в жизнь состоятельных слоев населения и расходится по социальным стратам в соответствии с доходами. Практически большая часть целей устойчивого развития ООН — это расходные статьи при бюджетных ограничениях.

Общие институциональные цели не имеют четкой обрисовки, остаются предметом научных и политических дискуссий. А вот существующие институты (особенно собственности), обеспечивающие производство, распределение и перераспределение доходов, достаточно устойчивы, увязаны с интересами элит и не меняются сколько-нибудь быстро и радикально (кроме трансформации постсоциалистического пространства). В данном случае нам важно зафиксировать, что и «зонтик» С. Кузнеця практически «не работает» 70 лет. Ригидность социального неравенства можно считать параметром нормы нашего времени. Идет также фрагментация общества, растет роль меньшинств и мигрантов, так что реальная ситуация, разумеется, более сложная, чем просто высокая (часто 30%) доля 10-го дециля в доходах и расходах (после перетока налогов). Т. Пикетти указывал на необходимость действий по снижению социального неравенства.

Нельзя сказать, что политики (элиты) и образованные слои общества не сознают или не ощущают тревожности ситуации в мире. Бреттон-Вудские институты все более откровенно показывают трудности развития, риски, ловушки и угрозы. Отметим Берлинскую декларацию мая 2024 г., выдвинутую группой известных экономистов (табл. 2).

Таблица 2

**Выдержки из Берлинской декларации с нашими комментариями
(выбор и нумерация наши)**

Перевод	Комментарии
(1) «Смена фокуса политики и институтов с цели экономической эффективности на совместное (социально) процветание и обеспечение квалифицированных рабочих мест»	Потребуется смена целей больших компаний, системы налогообложения в пользу <i>квалифицированного труда в развитых странах (!)</i>
(2) «Развитие промышленной политики для проактивного решения неизбежных региональных потрясений путем поддержки новых отраслей и перехода к инновациям в создание богатства (благосостояния) для многих»	Внутри развитых или глобальных регионов? Новые отрасли после обеспечения базисных потребностей или это лишь в развитых отраслях. Для «многих» это не «создание», а «использование» инноваций...

Перевод	Комментарии
(3) «Обеспечить промышленную стратегию не для субсидирования и кредитования действующих секторов для их выживания, а заботы о тех, кто делает инвестиции и инновации для таких решающих целей, как “чистый (карбонный) ноль”»	То есть не столько поддержка занятости и прибыльности действующих секторов, сколько важных целей вроде карбонной нейтральности. Для развитых стран неясно, как это совместимо с пунктом 1
(4) «Создать дизайн более здоровой формы глобализации, с балансировкой свободы торговли и защитой неустойчивых элементов, координацией климатических политик, но разрешая национальный контроль в случаях важнейших стратегических интересов»	Свобода торговли, защита слабых плюс климатическая политика требуют глобальной координации очень высокого уровня. Нужны и принуждение, и арбитраж. Согласие на национальный контроль по стратегическим вопросам — это принятие реалий и межстранового (группового) конфликта интересов
(5) «Адресовать внимание на неравенство по доходам и богатству, усиленное системой наследства и автоматизмом финансовых рынков, будь это укрепление прав (мощи) низкооплачиваемых, адекватное налогообложение высоких доходов и богатства, или обеспечить уменьшение стартового неравенства через механизмы типа социального наследства»	Призыв к налоговому перераспределению доходов и богатства ради сжатия неравенства. Явно показана роль «автоматизма» финансовых рынков, призыв к изменению института «наследства». Велика дистанция от «адресовать внимание» до изменения стойких институтов
(6) «Реорганизовать климатическую политику, комбинируя цену карбона с позитивными стимулами снижения эмиссии и амбициозными вложениями в инфраструктуру»	Наконец-то появились позитивные стимулы (хотя неясно какие) к снижению эмиссии и важные инфраструктурные инвестиции, а не только налоги и наказания
(7) «Обеспечить развивающиеся страны финансовыми и технологическими ресурсами, необходимыми им для сосредоточения на климатическом транзите, и мерах митигации и адаптации без подрыва их перспектив (развития)»	Вот появились развивающиеся страны... им нужны не только финансы, но и технологии для климатического перехода, митигации и адаптации, и не вместо развития. Масштабы задачи огромные!
(8) «В целом установить новый баланс между рынком и коллективными действиями, уйти от самоубийственной экономии и инвестировать в эффективное инновационное государство»	В целом это мечта о новом равновесии между рынком и координацией действий. Вложения в эффективное инновационное государство — звучит увлекательно, но неопределенно и, видимо, для развитых стран
(9) «Снизить рыночную власть на высококонцентрированных рынках»	Звучит, конечно, оптимистически — но это вместе с изъятием доходов в пользу бедных! Похоже на весьма детальное регулирование, возможно, даже ручное

Источник: составлено по (The Berlin Summit Declaration, 2024).

Заметим, к чести научного сообщества надо отнести попытку сделать шаг вперед в реализме целей. Речь идет о «Берлинской декларации» от 29 мая 2024 г., которая вызывает большой интерес. Она составлена группой первоклассных ученых и адресована в конечном итоге всему миру. Представляется, что Декларация — естественный отклик ведущих ученых на реалии современной ситуации в мире, ригидность неравенства, вялый ход реализации программы ЦУР. В небольшой по размеру Декларации сделан шаг вперед в выделении задач промышленной политики, борьбы с неравенством и решении проблем развивающихся стран — это неординарное событие. Разумеется, в ней многократно оговорены задачи климатической политики. Но в целом это более сбалансированная постановка задач для ЦУР, одобренных членами ООН. В Декларации нет иерархии, временной последовательности задач, привязки задач к этапам и уровням развития стран мира, хотя появился, наконец, фокус на создание инфраструктуры и передачи развивающимся странам не только финансовых ресурсов, но и технологий.

Мы привели некоторые (основные) положения этого интересного и откровенного документа, который по сути дела по-новому подходит к целям устойчивого развития. Декларация пытается сохранить важность спасения климата, но подчеркнуть важность борьбы с бедностью. А перераспределение доходов от богатых и выравнивание стартовых условий в обществе выглядят как промежуточные цели и одновременно инструменты социальной политики. Можно сказать, что Берлинская декларация уже меняет приоритеты целей ЦУР, молча признает отсутствие ожиданий прогресса ЦУР «как она есть» и предлагает более современные формулировки и цели, которые должны быть адресованы одновременно. Но важнейшие проблемы ЦУР остаются и в этой реинкарнации. Прежде всего, нет ясных механизмов решения структурных и глобальных проблем на уровне фирмы. Разворот от эффективности к гибридной пользе — промышленной и социальной политики (плюс климат) означает ломку поведения (ломку теории) корпорации, т. е. инвестиционных функций, оплаты труда менеджеров и удовлетворения прав собственников (акционеров и кредиторов).

В относительно простом плане для мирового сообщества есть короткий вариант новой постановки, сформулированный одним из самых глубоких экономистов Дэнни Родриком: «Изменения климата — это угроза существованию. Большой и стабильный средний класс — это основа либеральных демократий. Снижение глобальной бедности — это моральная норма».

Было бы тревожно если мы вынуждены были бы отказать от любой из этих трех целей (Rodrik, Sept. 9, 2024). Вот попытка совместить даже эти три цели требует уверенности в следующем: человечество понимает, что собирается делать следующие хотя бы два поколения.

Берлинская декларация и трилеммы Д. Родрика — важный шаг вперед в признании реалий. Но и они по умолчанию подразумевают, что совре-

менная экономическая наука и экономическая политика учитывают закономерности развития стран всех типов, социальные процессы и способы решения мировых проблем. Мы в этом серьезно сомневаемся — ведущие экономисты видят проблемы, но не решаются сказать простую мысль: мы знаем многое, но мы не имеем ясной дороги к будущему выживанию и развитию всего человечества Планеты.

Институциональные условия, финансовые и макроэкономические рамки по странам (по уровням развития) серьезно отличаются и один теоретический комплекс мер на всех не подойдет. Рассмотрение важности стратегических задач стран: региональных проблем, бедных слоев, недостаточного человеческого капитала, угрозы последствий климатических сдвигов, представлений о безопасности, ставит вопрос о приоритетах на каждом этапе и для каждой страны, и по группам (скажем, по кластерам табл. 1).

В последнее время все более видное место в мыслях стратегов занимает забота об устойчивости общества в развитых странах, закодированная как укрепление среднего класса. Правда, при конкретизации тут появляется реиндустриализация, т. е. поддержка занятости в обрабатывающей промышленности в развитых странах, что в свою очередь будет ограничивать возможности соответствующего экспорта из развивающихся стран. Эти мысли очень ясно были изложены Дэни Родриком в сентябре 2024 г. Осталось выяснить, понимаем ли мы механизмы собственно экономики и общества и как должна выглядеть экономическая политика в мире, во что она обойдется и кто возьмется ее реализовывать. Будут ли бедные, средние, богатые в бедных, средних, богатых странах фирмы и компании, правительства и банки принимать решения, нести издержки ради неких правильных решений? Или они будут, как и элиты, решать свои насущные проблемы на обозримом горизонте.

От утопии к осознанию проблемы выживания

Проблема выживания Планеты и человеческого сообщества была бы трудной, но технической, если бы не одно фундаментальное — и в общем очевидное — обстоятельство. Все участники глобальных процессов и взаимодействий могут опасаться потерь или необходимости от чего-то отказаться: в настоящем, в будущем (надежды, ожидания, обещания) и даже в прошлом (конфигурация памяти, чувство совершенной правоты или веры в прошлую славу). И речь идет не только и не столько о правительствах или законодателях, которых, конечно, трудно будет уговорить поменять свои программы и планы и добровольно скоординировать их с общим «глобальным благом». За государствами стоят элиты, которые трудно подвинуть на компромиссы, потом народы, племена, меньшинства, избиратели, которые не всегда верят своим традиционным лидерам. Они все чаще обретают внезапное желание сменить их на более харизматических лидеров,

пытающихся красиво максимизировать ожидания тех социальных и национальных сообществ, которые считают свои интересы нарушенными. Тьма примеров тому накопилась к 2025 г. Но мало осознать проблему, нужно, как в свое время говорил Карл Маркс (11-й тезис о Фейрбахе), изменить мир, хотя теперь будущее видится иначе, но приходится возвращаться к идее философов о координированном действии.

Мировое сообщество прошло огромный путь научно-технического и социального прогресса за последние полтора века. Но сейчас оказалось, что оно движется назад к неравенству, соперничеству, фрагментации и неустойчивости. Общий экономический рост, прогресс технологий, прорывы отдельных стран к более высокому уровню развития не создали общего чувства прогресса и благополучия, хотя никто, разумеется, не хочет брать на себя ответственность. Элиты ведущих стран мира рубежа XIX—XX вв. шаг за шагом фокусировались на конфликтах, упустив возможности расширения благосостояния, социального прогресса и в самом оптимистическом варианте — деколонизации. Это очень заметно в нашей работе «Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880—1913» (Григорьев, Морозкина, 2021).

Нужно уважение от партий, общественных групп, видных общественных деятелей и политиков к позициям множества сопоставимых по типу контрагентов. Но все контрагенты (по сути, интеллектуальная элита) также имеют свои взгляды, с очень разными мощностями по ресурсам убеждения. Многие историки и физики, инженеры и литераторы, экономисты и философы, как известно, еще более упрямы в своих верованиях, чем политики, финансисты и юристы. Поэтому шансы на то, что всемирный конгресс мыслителей сможет найти не «точку», а «множество» точек равновесия между странами по оценке ситуации, подходу к решению ключевых проблем Земли, которые здесь можно свести к простой формуле (скорее заголовку): Мир без войны — выравнивающее развитие — уважение к культурам и традициям. Устойчивое развитие, как его пропагандируют экологи и экономисты — это частный случай поиска глобального равновесия, хороший по намерениям, слабый по технологии. Он уже не выдержал конфликта интересов стран, регионов и отраслей, также иных целей человечества — бедности по преимуществу, уже не столько абсолютной, сколько относительной. Но от относительности неравенства общественным группам не легче — тут возникают проблемы стартового распределения богатства, справедливости (фактической и обещанной), интенсивности вертикальных лифтов. Тут же и феномен международной миграции, который обеспечивает некоторую коррекцию дохода иммигрантов, но при потере собственной страны и социального статуса эмигранта, трудностей с сохранением (или навязыванием) культурных кодов.

Картина разнообразия мирового сообщества и его проблем, которая начинает разрастаться, приобретает больше и больше измерений, может

быть узнаваема — в удобных нам терминах — интеллигенцией. Может быть, в рамках образованных (но не слишком богатых) социальных слоев можно обсуждать принципы мирового понимания проблем. Гражданское общество, которое в своей материальной (социально-экономической) основе «стоит» на среднем классе, играет ключевую роль в социально-политической стабильности. Однако средний класс (или классы) неоднороден. Высшая страта достигает дохода (преимущественно зарплатного по источникам) своей карьерой, образованием и предприимчивостью. Она конкурирует с бизнес-карьерой, невелика и не может потянуть электоральных проблем. Интеллигенция развитых и в общем всех стран — «средняя средняя» страта — конечно, должна бы осознавать проблемы мира и склоняться к компромиссам, она и есть опора ЦУР в настоящее время. Огромные массы нижней средней страты в развитых странах очень зависимы от государственной политики перераспределения доходов, которая обычно направлена на более низкие доходные категории. Мы надеемся на «массы», состоящие из этой страты и низших доходных классов (особенно в развивающихся странах). Но заметим, что в этой части электорального и имущественного спектра многих увлекают простые формулы и решения.

Немного надежды на политические и финансовые элиты. И не потому, что они что-то не понимают в современной ситуации в мире или не могут рассчитать балансы выигрышей/потерь для всех и для себя — могут, конечно, считают. Но им не нравятся их расчетные потери — надежды на «выигрыши без оплаты» никогда не умирают, ни первыми — ни последними! Конфликт элит общество плохо переносит, причем эта «болезнь» не вполне осознается, поскольку элиты располагают колоссальными ресурсами для продавливания своей повестки дня через государство и СМИ. Время от времени политикам или деловым элита удается подорвать влияние и поглотить кого-то из конкурентов, что представляет собой увлекательное и высокоприбыльное занятие. Способность к компромиссам, разумеется, присутствует, но время от времени взрывается сдвигами в реальных процессах. Так что геополитические конфликты — это элитная проблема, хотя политики не способны признать очевидное — это они внедрились «своим массам» те или иные концепции, находящиеся в конфликте друг с другом, но ссылаются на «массы» как источник своего политического вдохновения.

Необходимо учитывать фактор времени — важнейший параметр процесса «лечения» социально-экономической основы планеты (помимо экологии и политики). Оно важно и для оценки горизонтов выживания и времени действия политических и технико-экономических проектов. Без него невозможно говорить о целях, методах и результатах проекта мирового развития — это время, горизонт. Разумеется, все, что выпадает за пределы двух жизней — 40 лет Моисея — трудно предложить электорату со средним возрастом голосующих в 30–50 лет. Пенсионеры могут рассма-

тривать длинные горизонты, как попытку их еще раз ограбить (пенсии, инфляция и т.п.). Молодежь часто отвечает на длинные программы требованиями все предоставить быстро. Уговорить демографические когорты на ожидание отдаленных эффектов («небес в алмазах») очень сложно. Обычно предлагают процветание в очень далеком будущем. Хотя Китай смог обеспечить развитие в ускоренном режиме, доставляя быстрый рост благосостояния, но повторить его опыт очень трудно (Григорьев, Жаронкина, 2024). Обычно политики, особенно при 4–6-летнем электоральном цикле вынуждены обещать быстрые эффекты. Часто это вызывает разочарование или остановки, поскольку осмысленный план для страны нужен на 10–12 лет — что уже реалистичнее, но зависит от мировой обстановки, торговли, финансов и пр. Здесь стоит напомнить, что «ловушки» при прямой экстраполяции отправляют сближение уровней благосостояния стран за полувековой горизонт (Григорьев, Майхрович, 2023).

Теория ловушек среднего уровня развития еще не разработана до конца, но лишнее десятилетие эти ловушки могут забрать. Наконец, автор полагает, что пора признать «ловушки богатства», которые показывают сохранение глубокого неравенства и массы проблем в наиболее развитых странах. Заодно пора расстаться с утопией Дж. Белла о «постиндустриальном развитии» с учеными у власти, от которой осталось одно лишь название. Страны движутся от кластера к кластеру, от ловушки к ловушке, сохраняя (используя) внутреннее социальное неравенство. Набор «ловушек» нельзя воспринимать как россыпь сюжетов для диссертаций. Это ловушки связаны этапами развития — они нормальны для того пути, по которому идет человечество. Так, глобальная долгосрочная программа развития должна указывать примерно этапы, ресурсы и сроки для каждого типа стран. В общем «возможны варианты», особенно для более развитых стран, но в целом речь идет о полувеке, куда можно даже зачислить некоторым странам отдельные успехи недавнего прошлого. Но стадийность роста и проблем на горизонте в два поколения нужно будет предъявить массам, ожидания придется снизить, их достоверность необходимо поднять.

Как же развивается человечество в этой обстановке недоверия, чрезмерных желаний и амбиций? Оно идет от одной доминирующей системы к другой, чаще от одной комбинации противостоящих или хотя бы конкурирующих общественных систем. Есть много попыток упорядочить смену систем, формаций, больших циклов, опираясь на технологические циклы или вообще на встроенные в человеческую историю смены фаз подъема, процветания и разрушения движущих сил прогресса с откатами в развитии. В ситуации империй древности крах той или империи означал чаще всего и гигантское разрушение хозяйства (и массовую гибель людей). Конфликты и крахи государств постепенно трансформировались в выигрыши войн, территорий, гибель политических систем, приобретение и потерю колоний и т.п. И так до двух мировых войн XX в., которые

отбросили человечество не только и не столько в материальном плане, сколько к потерям человечности. Большие революции также оказались неожиданно жестокими и создавшими множество проблем для человечества на долгое время.

Здесь мы хотели бы остановиться на «шаге» развития и времени на решение проблем. Одна из важных проблем (а не только преимуществ) современного развития — это изобилие и скорость распространения информации. Много ли образованных людей в Европе XII в. знали про короля Артура и его попытку навести порядок в мире (пусть условном) с помощью дюжины «рыцарей спецназа Круглого стола»? Много ли европейцев читали Сен-Симона, Фурье, Оуэна и Адама Смита? Вот идеи Карла Маркса и левых радикалов газеты и железные дороги развезли по всему миру. Радио и авиация повлияли на Первую мировую войну, а Ф.Д. Рузвельт 17 марта 1933 г. провел первую встречу с радиослушателями «У камелька»... Представления о необходимости дебатов и выработки решений компромиссного характера во внутренней и во внешней политике постепенно слабеют — предпринимается попытка сформировать через СМИ примерный «дискурс электората» и удерживать последний в рамках дискурса, маневрируя деталями. В странах с демократическими традициями идет реакция путем дробления электората на более мелкие группы со своими партиями и лидерами, что делает политические компромиссы более трудными (всем нужна своя идентичность и независимость), но вынужденными по деталям практической политики.

Скорость и глубина распространения информации значительно увеличились и относятся не только к текущим событиям, но и основным правам, пунктам программ партий, параграфам законов и пунктам обещаний партий и лидеров. А вот скорость имплементации всех этих замечательных положений возросла намного меньше, так как стоимость реализации выросла многократно, поскольку все дорожает, людей становится больше, блага обещанные охватывают больше социальных слоев. Пожалуй, сумма потенциально ожидаемого людьми от законов, партий и лидеров планеты находится далеко за пределами суммы имеющихся бюджетных ограничений, причем за десятки лет. А выборы и смены проблем, кризисы и шоки происходят намного чаще. И основные массы получателей благ или пострадавших теперь вполне информированы и о проблемах, и о непредоставленных благах. Тут у контролирующих элит вырабатывается безошибочный инстинкт самосохранения путем переноса ответственности за все или некоторые проблемы страны и общества на те или иные «инородные элементы»: социальные слои, меньшинства, иные страны. Вот тут сложившийся кризис мирового порядка и имеет свою постоянную заинтересованную и активную опору. Поэтому спиралевидное распространение геополитического кризиса требует нетривиальных мер для предотвращения худшего исхода.

Особенно сложный вопрос — кто в конечном итоге может создать и реализовать реалистический проект мирового координированного развития. Сегодня выбор невелик — ООН и Бреттон-Вудские институты, но ООН не демонстрирует эффективность, а МВФ и Всемирный банк квалифицированы, но решают более узкие проблемы. Система глобального управления никогда не была особенно стройной, не было способа реализации решений (Григорьев, Курдин, 2013). Но она вместе со всей системой соглашений раскололась на СЕВЕР — ЮГ, НАТО — не НАТО, ОЭСР — БРИКС, соперничество Китай — США, и т.д. Растет надежда на координационную роль БРИКС, который расширился, охватывает страны разных уровней благосостояния и принципиально заинтересованных в догоняющем развитии. За различными организациями в тени остаются мировые элиты, скрытые демократией и оперирующие интересами своих народов. Не намного легче, пожалуй, с создателями проекта — как и ЦУР его трудно будет согласовать и на интеллектуальном, и на политическом уровне. Много проблем может быть из-за амбиций интеллектуалов, даже со сходными позициями. В прошлом выдающиеся представители интеллектуальной элиты были в состоянии объединить себе подобных по ряду критически важных, ясных вопросов (о мире), в которых они разошлись со многими политическими элитами. Но теперь речь идет о сложнейшем комплексе действий всего мира, длинном во времени, обширном по странам в любой момент времени и дорогостоящем. Конфликты интерпретаций и интересов участников, бенефициаров и «доноров» делают проблему предельно трудной. Важно продолжать усилия по решению глобальных проблемы в их нынешнем понимании, но представляется, что избежать Мирового проекта нельзя, но для начала надо его более отчетливо сформулировать.

Задача статьи — не решение политических глобальных проблем, до которого, видимо, далеко. Важно осознать необходимость заново поставить проблему неизбежности такой работы, и достичь более глубокого и системного понимания способов ее решения. Все же нужно напомнить, что существующее понимание экономических законов недостаточно глубоко отражает изменившиеся стилизованные факты. В ряде случаев шаги по достижению обозначенных целей не были координированы с «соседними целями», имели побочные последствия или вызывали более серьезное противодействие (например, от укоренившихся интересов), чем это было реально преодолеть. Взаимодействие различных направлений и проблем развития также не имеет работоспособной теории и оснований, считая для простоты хотя бы по 17 ЦУР, хотя теорий понадобится больше. И появится много ограничений — развитие разнородного человечества по-прежнему зависит от социальной структуры, внутренней политики, взглядов элит, действий государств.

Для начала надо провести «Критический анализ теоретических основ устойчивого развития» как они сложились — легче стартовать. Однако если мы возьмем за основу ЦУР ООН 2015 г., то возникнет несколько проблем неполноты покрытия проблем мира, разнородности и различной важности проблем для стран с разным уровнем и типом развития. Поэтому напрашивается несколько принципов подхода к программе развития мира, если до этого дойдет дело. Мы сознаем, насколько трудно в нынешнем мире с его геополитическим кризисом, короткими политическими горизонтами, жесткими политическими целями и значительным недоверием элит друг к другу обсуждать долгосрочную координацию. Но надо решаться смотреть в будущее не только от провалов прошлого и конфликтов настоящего.

Принцип А. Утопично предполагать, что «прогрессивные утопии» воодушевляют и вытягивают реформы, поскольку все были много раз обмануты ожиданиями — перспективы совместных действий должны быть более ясными для участников. Общая цель — выживание обществ, компромисс между сообществами на планете, сближение уровней развития без потери разнообразия. На этом пути не надо рассчитывать, после тяжелого труда нас ждет некое равновесное «беспечальное» состояние общества, до которого можно дойти за разумное время. Увы, там ждут старые и новые проблемы, у развитых стран как и всех остальных.

Принцип Б. Стадии развития определяют гибридные программы примерно на поколение, так что программы должны быть понятны на входе и выходе: «не обещайте деве юной...». Нужна минимальная ясность в том, с чем надо войти и когда можно выйти из стадии: инфраструктура — человеческий капитал — промышленность — услуги и свободное время. Временной горизонт должен быть привязан к переходу в следующие стадии. Стадии развития, конечно, связаны с технологиями (укладами) и человеческим капиталом, но не меньше они зависят от структуры собственности и общества. И стадии развития существуют (и с трудом сосуществуют) сейчас одновременно.

Принцип В. Программы должны быть «конгруэнтны»: давать совместные ориентиры, механизмы и результаты в сфере экономики (уровней дохода, степени конкуренции и кооперации); социальной жизни (неравенства по доходам и богатству, способам социальной конкуренции и защиты); общественной психологии и культурных кодов (сменность и устойчивость власти и целей, согласие на самоограничение); общественной организации и внутренней политики. Программы на поколения надо продолжать, провал одного из четырех компонентов или попытка загнать вперед одно-два, другие потерять — подорвет процесс.

Принцип Г. Общее участие, разделенные усилия, издержки (уступки) слоев общества, групп, учет интересов меньшинств без превращения этого

достойного процесса в фетиш. Справедливость сразу всем и быстро не бывает, а попытки достичь — дороги.

Принцип Д. Элиты должны решиться и признать, что невозможно все сделать по-своему, на политическую конкуренцию с кооптацией инакомыслящих. Возможны технологии социального выравнивания (налоги на наследство). Образованные слои должны участвовать и нести ответственность, причем вряд ли им удастся реализовать свои представления о справедливом обществе. Менее состоятельные группы (по доходу и знаниям) должны видеть перспективу повышения благосостояния и статуса, вертикальные лифты. Участники процесса должны понимать, что нельзя получить все и быстро, но можно быть счастливыми людьми в процессе собственного роста и видеть прогресс талантливых. Видимо, это относится и к международным проблемам.

Разумеется, этим не исчерпываются требования к комплексной глобальной программе, но начать нужно с реализма целей, механизмов, расходов и временных горизонтов, специфицированных по уровням развития. Отдельно стоит невероятно сложный вопрос недоверия между политическими элитами — оно сложилось и его еще надо преодолевать для любых шагов вперед. Суверенные государства хотят решать свои проблемы «немедленно сейчас» — обычно сразу после выборов (как мы видим это по президенту Д. Трампу), поскольку надо успеть получить позитивный результат «на земле и в умах» к следующим выборам. Такими рваными рывками трудно решать долгосрочные задачи. Мир наблюдает стагнацию всего процесса достижения Целей устойчивого развития — недавнюю утопию решения всех проблем через климатические программы. Повестка дня 2030 г. постепенно слабеет и «уезжает» на 2050–2060 гг. Фрагментация мира усиливается, попытки решить свои проблемы за счет друга, разноречивостью со сроками совместных действий, дальнейшее падение доверия в устойчивость институтов и траст контрагентов. Климат, предположительно, будет продолжать ухудшаться, расходы большинства стран на адаптацию к ситуации будут возрастать, не давая экономии на митигации климатических изменений в течение ближайших поколений. Условием создания работоспособной программы выживания человечества на планете является критический анализ теоретических основ социально-экономического развития мира.

Издержки провала «следующей» Утопии могут быть очень тяжелы, если они будут основаны на разрозненных действиях правительств с разными сроками пребывания у власти и в значительной степени неспособных к кооперации по идеологическим, внутриполитическим (различия электоральных циклов), историческим или даже личным основаниям. И придется взглянуть в лицо главной угрозе — ограниченной способности элит к компромиссу даже во имя общего выживания. Мир приходил ранее к равновесию на какой-то период, обычно «локально-континентально» под воз-

действием войн и катастроф, в изнеможении от конфликтов или за счет доминирования определенной силы (империи иногда). Но угрозы всей планете сразу были ограничены, а сейчас нет уверенности ни в преодолении нарастающей фрагментации, ни в планетарной перспективе. Постараемся не впадать в фатализм, а поддерживать разумный оптимизм, веру в здравый смысл и надеяться на будущую мировую координацию по спасению планеты во всех смыслах.

Список литературы

Бобылев, С. Н., & Григорьев, Л. М. (2021). В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС. *Электронный журнал*, 13(10). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-515>.

Глобальный доклад по устойчивому развитию, подготовленный независимой группой ученых. (2023). Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf.

Григорьев, Л. М. (2024). Империи древних — грубое орудие истории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9>.

Григорьев, Л. М., & Васильева, А. А. (2025). Неравенство в странах Евросоюза в первой четверти XXI века: неординарные тенденции. *СМЭ*, 1(9). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-6-30>.

Григорьев, Л. М., & Жаронкина, Д. В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития. *Вестник международных организаций*, 19(1), 176–200. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>.

Григорьев, Л. М., & Курдин, А. А. (2013). Механизмы глобального регулирования: экономический анализ. *Вопросы экономики*, (7), 4–28.

Григорьев, Л. М., & Ляхова, С. (2025). Разгадка торможения Евросоюза. *Россия в глобальной политике*, 23(3), 83–105.

Григорьев, Л. М., & Майхрович, М. Я. (2023). Теории роста и реалии последних десятилетий (Вопросы социокультурных кодов — к расширению исследовательской программы). *Вопросы экономики*, (2), 14–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42>.

Григорьев, Л. М., & Морозкина, А. К. (2021). *Успешная неустойчивая индустриализация мира, 1880–1913*. М.: Нестор — История.

Григорьев, Л. М., & Павлюшина, В. А. (2022). Международное неравенство: динамика и проблема стадии развития. В Л. Григорьев, А. Курдин, И. Макаров (Eds.), *Мировая экономика в период больших потрясений* (с. 13–39). М.: ИНФРА-М.

Григорьев, Л. М., & Паршина, Е. Н. (2013). Экономическая динамика стран мира в 1992–2010 гг.: неравномерность роста. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*, (4), 70–86.

Майхрович, М.-Я. (2025). Скорость сближения уровней развития стран мира в XXI веке: теоретические подходы и статистические ограничения. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(5), [в печати].

Макаров, И. А., & Шуранова, А. А. (2023). Климатические изменения как новый фактор международных отношений. *Международная аналитика*, 14(4), 52–74.

Мировая экономика в период тяжелых потрясений (Л. Григорьев, А. Курдин, И. Макаров, ред.). (2022). М.: ИНФРА-М.

Прогноз развития энергетики мира и России 2024 (Галкин, Ю. В., Галкина, А. А., Григорьев, Л. М., Грушевенко, Д. А., Грушевенко, Е. А., Грушевенко, Е. В., Дементьев, К. И. и др.; под ред. В. А. Кулагина). (2024). М.: ИНЭИ РАН.

Canuto, O., & Saraiva, B. (2025, July 21). BRICS in times of tectonic shifts. <https://www.emacrodev.com/brics-in-times-of-tectonic-shifts/>.

Emissions gap report 2024. (2024). UNEP. <https://www.unep.org/resources/emissions-gap-report-2024>.

Galbraith, J. K. (2024, September 9). Economic theory for the real world. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/magazine/modern-sciences-reveal-why-mainstream-economics-has-failed-by-james-k-galbraith-2024-09>.

Galbraith, J. K., & Chen, J. (2025). *Entropy economics: The living basis of value and production*. University of Chicago Press.

Global Debt Report. (2025). OECD.

Piketty, T. (2014). *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rodrik, D. (2024, September 9). *A new trilemma haunts the world economy*. Project Syndicate.

The Berlin Summit Declaration. (2024, May 29). Forum New Economy. <https://newforum.org/en/the-berlin-summit-declaration-winning-back-the-people/>.

The Great Reversal. (2024). World Bank.

Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. (2023). https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-110923_1.pdf.

World Development Report. (2024). *The middle-income trap*. Washington, DC: World Bank.

References

Bobilev, S. N., & Grigoriev, L. M. (2021). In search of new frameworks for Sustainable Development Goals after COVID-19: BRICS countries. *Electronic Journal*, 13(10). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-515>.

Global and Russian Energy Outlook 2024 (Galkin, Yu. V., Galkina, A. A., Grigoriev, L. M., Grushevenko, D. A., Grushevenko, E. A., Grushevenko, E. V., Dementiev, K. I., et al.; edited by Kulagin, V. A.). (2024). М.: INEI RAS.

Grigoryev, L. M. (2024). Empires of the Ancient — a crude tool of history. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 125–160. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10>.

Grigoriev, L. M., & Kurdin, A. A. (2013). Mechanisms of global governance: Economic analysis. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 4–28.

Grigoriev, L. M., & Lyakhova, S. (2025). Unraveling the slowdown of the European Union. *Russia in Global Affairs*, 23(3), 83–105.

Grigoriev, L. M., & Maikhrovich, M. Ya. (2023). Growth theories and the realities of recent decades (issues of sociocultural codes — expanding the research program). *Voprosy Ekonomiki*, (2), 14–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-18-42>.

Grigoriev, L. M., & Morozkina, A. K. (2021). *Successful unstable industrialization of the world, 1880–1913*. М.: Nestor — Istoriya.

Grigoriev, L. M., & Parshina, E. N. (2013). Economic dynamics of the world's countries in 1992–2010: Uneven growth. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (4), 70–86.

Grigoriev, L. M., & Pavlyushina, V. A. (2022). International inequality: Dynamics and the development stage problem. In L. Grigoriev, A. Kurdin, I. Makarov (Eds.), *World Economy in Times of Major Turmoil* (p. 13–39). M.: INFRA-M.

Grigoriev, L. M., & Vasilieva, A. A. (2025). Inequality in EU countries in the first quarter of the 21st century: Unusual trends. *SME*, 1(9). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-1-6-30>.

Grigoriev, L. M., & Zharonkina, D. V. (2024). The Chinese economy: Thirty years of catch-up development. *Herald of International Organizations*, 19(1), 176–200. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>.

Independent Group of Scientists. (2023). Global Sustainable Development Report: Times of crisis, times of change: Science for accelerating transformations to sustainable development. https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-09/FINAL%20GSDR%202023-Digital%20-1110923_1.pdf.

Maikhrovich, M.-Ya. (2025). The speed of convergence of development levels of world countries in the 21st century: Theoretical approaches and statistical limitations. *Lomonosov Economics Journal*, 60(5) [in press].

Makarov, I. A., & Shuranova, A. A. (2023). Climate change as a new factor in international relations. *International Analytics*, 14(4), 52–74.

World Economy in Times of Severe Shocks (L. Grigoriev, A. Kurdin, I. Makarov, Eds.). (2022). M.: INFRA-M.

Приложение

Границы кластеров по ВВП ИПС

Кластеры	1992		2000		2008		2010		2019		2022		2023	
	Нижняя границы	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх	Низ	Верх
1	25 001		27 495		31 686		31 862		36 138		36 821		37 392	
2	15 001	25 000	16 497	27 494	19 012	31 685	19 118	31 861	21 683	36 137	22 093	36 820	22 436	37 391
3	10 001	15 000	10 999	16 496	12 675	19 011	12 745	19 117	14 455	21 682	14 729	22 092	14 958	22 435
4	5 001	10 000	5500	10 998	6338	12 674	6374	12 744	7228	14 454	7365	14 728	7480	14 957
5	2 301	5000	2531	5499	2916	6337	2933	6372	3326	7227	3389	7364	3441	7479
6	1 301	2300	1431	2529	1649	2915	1658	2932	1880	3=325	1916	3388	1946	3440
7		1300		1430		1648		1657		1879		1915		1945

Примечание:

Прогноз мира висит на демографии, климате, конфликтах,
+ торможение роста мира сократит ресурсы и обострит конфликты;
+ переход от максимизации эффективности к пром. политике означает сжатие роста эффективности;
+ не видно позитивного прогноза до 2050 г.